

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 398.3; 391.4

DOI 10.46418/2079-8202_2022_4_9

Т. И. Рожкова

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
455000 РФ, Магнитогорск, пр. Ленина, 26

ОБРЯДОВАЯ ТРАДИЦИЯ И УСТНЫЕ РАССКАЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ЭТНОРЕАЛИЯ «ЛАПТИ»)

© Т. И. Рожкова, 2022

В статье, на материале устных рассказов, представляется этнореалия «лапти» в ее связи с бытовой и обрядовой культурой населения горнозаводской территории Южного Урала. Автор приходит к выводу, что интерес к лыковой обуви до середины XX века поддерживался за счет доступности древесного материала, его практических свойств, возможности домашнего изготовления. В обрядовой культуре появление лаптей продолжает удерживать общеславянские смыслы предмета, увязывающие его появление с базовыми архаическими оппозициями: «старый-новый», «свой-чужой», «чистый-нечистый». Статья дополняет этнографические исследования новым фольклорным материалом, актуализирует значение локальных описаний в исследованиях традиционной культуры разных областей.

Ключевые слова: традиционная культура, устный рассказ, лапти, практическая и символическая функция.

Введение

Фольклорный репертуар горнозаводского населения Южного Урала, собранный в конце XX — первые десятилетия XXI века, представлен научному сообществу в ряде сборников тематического характера [7], [12], [13]. Комплексный анализ фольклорных и этнографических материалов проведен в диссертации И. А. Лосевой [9]. Выбранный в данной работе аспект рассмотрения практической и символической функции лыковой обуви продолжает историко-этнографическое направление исследований, обеспечивающее задачу изучения традиционной культуры горнозаводской территории системность и глубину понимания.

Историческая справка

На карте Южного Урала населенные пункты: Узян, Кага, Ломовка, Верхний и Нижний Авзян, Тирлян, Николаевка — появлялись в разные годы на протяжении второй половины XVIII и XIX века. Развитие частного металлургического производства: строительство заводов, вспомогательных структур по транспортировке и сбыту продукции, — вызвали необходимость переселения крестьян, как рабочей силы. Сложный и длительный процесс переселенческого движения привел к образованию особой группы населения, занятого обслуживанием развивающейся уральской металлургии. Промышленное производство было налажено в селах Узян, Кага, Тирлян, Верхний и Нижний Авзян. В Ломовке жили «ломовые извозчики», поставляющие на завод сырье; производством древесного угля занимались крестьяне д. Николаевка [9, с. 53–79]. Переселенцы принесли на Урал свои культурные традиции, обеспечивающие порядок жизни крестьян в новых условиях. Из числа географических мест переселений

в исторической литературе и рассказах-воспоминаниях называются Тульская, Рязанская, Московская, Курская, Казанская губернии; Калуга, Вятка, Поволжье и др.

Практическая сторона бытования лыковой обуви

Просмотр экспедиционных материалов, содержащих воспоминания о трудовой и бытовой жизни населения, свидетельствует о распространенности в будничной жизни населения лаптей. Информанты 1920–1948 годов рождения рассказывают, что они носили их в пору своего детства и юности. Верхней временной границей функционирования вещи можно считать конец 50-х гг. XX века.

«Семь лет в школе только в лаптях проходил (Копытов Л. П. 1920, В. Авзян);

«Мы-то у школу ходили у лаптях» (Сухов Н. П. 1929, Кага);

«Лапти были основной обувью летом» (Лисовская М. П. 1948, Кага).

Лапти вспоминаются, когда беседа заходит о работе в поле, на покосе, в лесу: *«Во время покоса носили» (Скрипков М. И. 1921, Николаевка); «Лес рубить у лаптях ходила» (Желнина Л. И. 1938, Кага); «Скотину гоняли в лаптях. Рано выгоняли, поздно пригоняли. Их носили как детьми, так и взрослыми. Другой обуви не было» (Березина М. М. 1945, Кага).* В лаптях продолжали работать и после войны: *«Работать начала в делянке, лес рубила <...> В лаптях всю весну и зиму» (Авакумова Е. П. 1926, Кага); «А в поле после обеда — в лаптях. <...> Рано пошла работать в поле, в бригаду, то в делянку, обрабатывать хлеб... И опять в лаптях» (Лисовская М. П. 1948, Кага).* Хотя зимой в лыковой обуви старались не работать, Куликова П. А. вспоминает, как она однажды прене-

брегла этим правилом, «погнала» поить коров и чуть «не убилась»: «...*надо было прорубь рубить, чтоб воду добыть. Рубила, рубила, замерзла. Лапти подмокли, да убилась. Чуть пришла!*» (Куликова П. А. 1939, Кага). Эмоциональное высказывание Кривенцовой Н. М. подытоживает нарративы этой темы: «...*все работали, работали, в лаптях спали, раз в неделю разувались*» (Кривенцова Н. М. 1934 г. р., Николаевка).

В речи населения сложилось выражение «лаптями время мерили» в значении «не имели в жизни достатка» (Березина М. М. 1945; Желнина Л. И. 1938; Лаврухина В. П. 1933). Выражение сложилось на основе реальной практики. В поле, при отсутствии часов, время определяли по длине тени ступнями, обувными в лапти. Описание процесса выглядело следующим образом: «*Вот на солнце становишься и вот друг за дружкой... Налаживаешь, где тень, где солнушко, и меряем. Если, например, три часа — шесть шагов, шесть лаптей. А если четыре, то восемь шагов. Вот эдак мерили раньше. Прямо середь поляны, прямо от ног лаптями. Не шагами, а лаптями. Переставляешь пятку к носу, одну ногу вот так и переставляешь*» (Лаврухина В. П. 1933, Кага). Количество лаптей, составляющих час времени, дополнительно записали от М. М. Березиной: «*Ставили лапти — носок к пятке: два лаптя — это один час; четыре лаптя — два часа, шесть лаптей — три часа. Так определяли время*» (Березина М. М. 1945, Кага).

Плели лапти, как правило, взрослые: «*каждый мужик в деревне их плел*», — вспоминает жительница села Кага Пелагея Александровна Куликова (1939 г. р.). Традиционно лапти плел отец: «*Лапти мы носили с детства, у нас их отец плел*» (Березина М. М. 1945, Кага); «*Лапти плел отец из лыка*» (Лисовская М. П. 1948, Кага). В Николаевке обувь для близких и на продажу плели старики: «*У нас тут 3–4 старика плели*» (Скрипков М. И. 1921, Николаевка).

Мальчиков обучали плетению лет с двенадцати. «*В детстве много плел. Начал плести с двенадцати лет или моложе. Старшие братья учили*» (Копытов Л. П. 1920, В. Авзян). В памяти Л. П. Копытова хорошо сохранился процесс заготовки лыка на лапти.

«*Из молодой липы — на лапти. Ствол в руку, лыко сдираешь с дерева. Потом с неделю даешь полежать, чтобы как бы заменилась (маленько завяло). И после этого лыко скручивают наизнанку, чтобы распрямилось. Теперь ножиком разрезать и снять кожуру зеленую. А лыко само остается. И вот таких заготавливаешь штук по двести в пучки, храним в пучках, а потом уже плести можно лапти. Нарезаешь сантиметром по 2–3 и плетешь лапти. Только из липы*» (Копытов Л. П. 1920, В. Авзян). Запрета на женское плетение не было. В частности, В. С. Лагохина, рассказывая историю семьи, сказала: «*Я раньше лапти плела. <...> Я много лаптей плела*» (Лагохина В. С. 1930, Узьян). Рассказчица употребила слово «проплеток», в значении: человек «слабый умом». «Проплетком» мастера называли недоплетенный, недоделанный лапоть.

В 30-е годы XX века лыковую обувь можно было купить в магазине или на базаре. М. И. Скрипков

из Николаевки вспоминал, что продавали «бирские» лапти: «*маленькие, легкие, носатые. На зиму они не годятся ...*». (Скрипков М. И. 1921, Николаевка). Сам он предпочитал лапти «русские». Лапти, сплетенные умельцами за зиму, выносили на базар: «*На базаре продавали лапти. Старики пар по 10–15 лаптей наплетут*» (Копытов Л. П. 1920, В. Авзян). Но даже местную лыковую обувь могли купить не все. Н. Г. Севостьянова вспоминает: «*В такое время мы росли, когда все восстанавливали после революции. Детей нас было трое. Я — первая. Все сами делали. Скотину держали. В магазине мало что брали*» (Севостьянова Н. Г. 1917, Тирлян). В этом случае, лапти можно было взять в долг, «по договоренности»: «*Если возьмешь лапти, то за них надо отработать, что попросят*» (Куликова П. А. 1939, Кага).

Чулки, носки в лапти вязали женщины. Девочек подключали к вязанию рано: «*Я вот с восьми лет иголками вязала носки. Все меня мама учила, я сама старша была*» (Тимакова А. К. 1916, Николаевка); «... *шить и прясть начинали рано*» (Севостьянова Н. Г. 1917, Тирлян); «*Я лет в 8–9 уже вовсю пряла. Рано учили этому*» (Беляева О. И., 1913 г. р., Н. Авзян). К тому же в приданное собирали все «саморубное». Березина М. М. вспомнила, что ее отец освоил изготовление для лаптей «онучек из шерсти»: «*Брал шерсть, под снег клал на несколько дней. Полежит, потом в тепло, в баню. Разложит, раскатает, нареет и ткет онучки, как валенки короткие*» (Березина М. М. 1945, Кага).

В целом процесс изготовления обуви был не скорым, в то время как изделие отличалось недолговечностью и быстро снашивалось. В рассказах частотна информация о бережливом отношении молодежи к одежде: «*Мы все берегли: и лапти, и юбку*»; «*Лапоть из лыка на плече несем, он ведь тоже носится, берегли*» (Логинова А. В. 1927); «*А ночью, бывало, в клуб бежим, да босиками — лапти бережем, чтобы не износились*» (Лаврухина В. П. 1933); «*Бегаешь туда-сюда, а отец не доволен — стираются лапти. Лапти через плечо и пошла*» (Желнина Л. И. 1938).

Записаны способы продления жизни лыковой обуви: прикрепляли железные «кольчужки» (Логинова А. В. 1927); или «деревянные колодки, чтобы не косились» (Копытов Л. П. 1920, В. Авзян).

Наряду с лаптями в качестве повседневной обуви вспоминаются ступни: «*Раньше носили лапти да ступни*» (Веретнева Н. В. 1930, Николаевка). А. П. Осокина (1925 г. р., Узьян) назвала их «лаптями без задников». Ступни также изготавливались из лыка, но у них не плели пятку. Их использовали наряду с лаптями, хотя определилось и свое время, и своя территория: в них ходили весной, а работали во дворе и недалеко от дома. «*Носили лапти, ступни. Для весны ступни ремнями обтянешь, наплетут ремня и тебе хоть бы хны... Дома в ступнях ходили. Ступни тоже из лыка наплетут. Во время покоса носили*» (Скрипков М. И. 1921, Николаевка). Реже в качестве обуви информанты называют бахилы: «*Бахилы носили, они как лапти, но ногу выше лаптей закрывают*» (Сухов Н. П., 1929,

Кага); *«Лапти, бахилы одевали раньше»* (Осокина А. П. 1925, Узяна).

Лапти, ступни, бахилы изготавливались из лыка, были взаимозаменяемы в использовании, однако положительные высказывания по поводу практических достоинств лаптей звучат чаще.

«Хорошая обувь для ног. И продувает, и легкая» (Копытов Л. П. 1920, В. Авзяна);

«Русские лапти — большие, носки оденешь, суконные онучи. По снегу лазишь, и никуда снег не падает» (Скрипков М. И. 1921, Николаевка).

В 50-х годах XX века состоялся приводимый ниже разговор внука с дедом-охотником по поводу его «охотничьих» лаптей. В глазах внука лапти — отжившая обувь, обувь бедняков царской России. Ответ деда удивил, а потому разговор запомнился: *«Дед ходил в тайгу зимой и летом в основном в лаптях. Я помню даже, что задавал ему вопрос: «А лапти-то в дождливую погоду промокнут?». — «Да, — отвечал он, — но вода тут же выльется, а нога при ходьбе выделяет тепло, и потому ноги не мерзнут...»* (4, с. 216).

В специальной литературе перечисляется разнообразный древесный материал, используемый для плетения обуви: липа, вязь, ива. К обозначенному списку, по записям в деревне Николаевка, можно добавить сосновое лыко и лыко черемухи.

«А старых специально командировывали на сосновые лыка» (Скрипков М. И. 1921, Николаевка); *«Из черемухи вырывали лычки и плели»* (Веретнева Н. В. 1930, Николаевка).

Есть только одно упоминание о том, что взрослые мужчины носили более престижную обувь: *«Отец шил себе сапоги из коровьей кожи. Мы-то все в лапешках»* (Желнина Л. И. 1938, Кага). Возможно, в этих словах зафиксирована давно замеченная особенность психологии крестьян, «занятых в высокотехнологичном производстве»: носить лапти мужчинам было не престижно (6, с. 612).

До середины XX века в горнозаводской зоне Южного Урала бытовало три вида лыковой обуви: лапти, ступни и бахилы. Изготавливали ее отцы и деды, обучали ремеслу плетения детей. Проблему недолговечности лыка решали разными путями: приучали к бережливости, придумывали дополнительные, сберегающие приспособления. В качестве рабочей обуви лапти вспоминаются чаще. При сравнении с обувью современной молодежи, предпочтение отдается лаптям: *«Щас срамина! Чурка какая-то на ноге, обутка-то»* (Логинова А. В. 1927, Кага).

Лапти в обрядовой культуре горнозаводского населения

Интерес к предметному миру обрядовой культуры обеспечивает исследованиям по фольклору дополнительное понимание языка изучаемой традиции. О. М. Фрейденберг в работе «Поэтика сюжета и жанра» заметила по этому поводу: «Совершенной было бы ошибкой отбрасывать, при изучении словесной культуры, культуру материальную и ее семантику, потому что действие, вещь и слово составляли

в семантическом генезисе одно слитное целое» [15, с. 180]. Н. И. Толстой в работе «Вторичная функция обрядового символа» обратил внимание фольклористов на «семиотическую маркировку» предметов в ритуале по отношению к своему «природному» прототипу: «... предмет или действие выступают в обряде не в своем обиходном, практическом значении, а в ритуальной, символической, знаковой функции» [14, с. 167–168]. Универсальный характер семиотизации предметов в ритуале, укорененность лыковой обуви в обыденной жизни горнозаводского населения делают задачу выявления знаковой функции лаптей в местном пространстве актуальной для рассмотрения.

Как повторяющийся элемент славянского мира, лапти представлены на страницах этнолингвистического словаря «Славянские древности» (М., 2004). Отдельные ритуальные практики, отмеченные в словарной статье Л. Н. Виноградовой, С. М. Толстой, остаются актуальны для горнозаводской традиции Южного Урала. Предваряя общую картину описания коммуникативно-знаковой функции лаптей в ритуалах, отметим сохранность представлений о старой и новой обуви.

Русские обряды и обычаи со старой обувью собрал и интерпретировал Д. К. Зеленин в работе 1913 года [5]. Статья имеет исключительную ценность, так как содержит материал с мест переселений крестьян на горнозаводской Урал, а именно: фольклорные записи Вятской и Казанской губерний. Антропологическая модель понимания новой вещи предложена в статье А. К. Байбурина «О жизни вещей в народной культуре» [2].

Появление изношенных лаптей в ритуале Д. К. Зеленин связывал с архаическими традициями жертвоприношений. В привычке крестьян Вятской губернии не выбрасывать старые лапти, а навешивать в хозяйственных постройках, видел знак магического характера: «чтобы скотина всякая велась» [5, с. 219]. По его мнению, в основе такого непонятного поведения лежит утраченное предписание — выставлять в дни поминок предков старую обувь. «Как удовлетворить вкусу стариков в данном случае, вкусу часто прихотливому?», — задается вопросом Д. К. Зеленин и сам на него отвечает: «Проще всего, конечно, предложить ту самую обувь, в которой они сами ходили при жизни, или, по крайней мере, вообще старую обувь, разношенную и обношенную, которая легко надевается на ногу и не станет давить ее» [5, с. 227]. Исполнителями традиции, по мысли Д. К. Зеленина, предполагается, что в поминальные дни домово́й, олицетворяющий предка, обувает приготовленную для него обувь, обходит двор, оберегая скотину и птицу. С этой точки зрения, лапти представляются важным коммуникативным предметом и не случайно возникают в ритуале перехода в новый дом. По материалам Л. Н. Виноградовой, С. М. Толстой, в Костромском крае, Рязанской области при переходе на новое место жительства хозяева переносили с собой лапти [3, с. 81]. Традиция оказалась жива у русских горнозаводской территории Южного Урала. В Тирляне и Ломовке домового перевозили в лапте: *«на лапоть*

посадить и с собой позвать» (Патрикеева П. М. 1910; Благова А. А. 1915, Тирлян); *«Посади деда домового в лапоток да заведи его с собой»* (Белякова Н. М. 1954, Ломовка). Записи, сделанные в Верхнем Авзяне и Узьяне, содержат важную уточняющую подробность: лапоть должен быть старый. *«Осметочек был. Привязали, пошли на новое место. “Мы идем на новое место, и ты, хозяин, идем с нами”. И осметочек по земле...»* (Лисовская Е. В. 1935, В. Авзян). Особенно удачной видится запись рассказа от В. С. Латохиной, сделанная на аудиокассету в Узьяне: *«Мне мамочка сказала... возьми осметок, лапоть старый, худой, постели сено. А там, на заду, есть петля такая у лаптя, прикрепил веревочку лычную, чтобы была лычная веревочка, и вези по дороге. Я взяла этот осметок, поставила его под загнетку и говорю: «Хозяин, мы уезжаем, айда с нами». По — простому сказала: «Я хочу, чтоб ты был с нами, чтоб у нас был мир, спокойство. Мы тебя не бросим, кормить мы тебя будем. Айда!» Все это сделала. И этот осметок тряпочкой прикрыла, за веревочку взяла и тихонько повезла. К порогу привезла, не нарушила ниче, тихошушко, значит. Я его подняла, этот осметок, опустила, и снова пошла с ем, этим осметком. Во-первых, чтоб все-таки никто не посмеялся надо мной, то че я делаю-то. И я его привезла домой. Поставила под загнетку и говорю: «Ну, дорогой, давай приживайся, кормить я тебя буду, нас не обижай, скотину не обижай давай». И дня четыре держала этот самый осметок под полкой на полу»* (Лотохина В. С. 1930, Узьян). При важности выполнения многочисленных требований к ритуальному поведению: к характеру действия (вести «тихошушко», ничего не нарушать), к месту (поставить под загнетку), к слову («тебя не бросим, кормить будем»), — старый лапоть (худой осметок) является предпочтительным средством для перемещения прежнего духа покровителя в новый дом.

Зеленин Д. К. описывает в статье ритуал с использованием старого лаптя в родильном обряде. В Казанской губернии: «при задержании у рожаницы последа, привязывали к ее пуповине мужнин лапоть и водили ее по избе» [5, с. 223]. Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая фиксируют применение старого лаптя при отеле коровы [3, с. 80]. И в том, и в другом случае магические качества предмета основаны на связи с хозяином, защитником и покровителем. Сохранность ритуала зафиксирована в рассказе А. А. Юрочкиной из Верхнего Авзяна: *«Осметок привязывали корове на хвост. Когда отелится и место долго не отходит, надо лапоть привязать»* (Юрочкина А. А. 1935, В. Авзян). В следующей записи идея оберега со стороны хозяина реализуется иными вещами, принадлежащими мужскому миру. Если скотина заболит, считается, что появился чужой домовый и его надо прогнать: *«... берешь кальсоны или портки. С ними ходишь по двору и пугаешь домового: “Чужой, уходи, а свой — скотину не трогай!”». Кальсонами наотмашь и матом его ругаешь»* (Урцева В. И. 1930, Тирлян).

Иная картина складывается вокруг лаптей в календарных обрядах. У славян лапти появляются в кострах

очистительного значения, в костюме «страшных» ряженых, что отвечает логике архаических представлений о переходном времени и его персонажах. Т. А. Агапкина в работе «Мифологические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл» (М., 2002) неоднократно упоминает лапти в кругу старых вещей, подлежащих уничтожению. На Масленицу их сжигают вместе со старой одеждой, иногда топят, в них хоронят Мокротину [1, с. 82, 328, 674, 679].

В экспедиционных записях мы наблюдаем похожую картину. Лапти перечисляются информантами в ряду предметов особой ветхости, что чрезвычайно важно для общего смыслового содержания костюма ряженого, состоящего из старых, изношенных вещей, вывернутых наизнанку. *«Когда ходили сжигать масленицу, шубу одевали наизнанку, одевали на ноги лапти, рядились»* (Бочарова Е. Д. 1914, Узьян); *«На масленицу ряженые ходили. Ой и много их было!... Лапти одевали, ряженые-то, рваную одежду, на голову ще-нибудь»* (Лисовская А. К. 1924, Кага). Лапти поддерживают общий семантический контекст праздника, но не являются значимым действующим лицом и легко заменяются другими изношенными вещами. В зимних гаданиях молодежи лапти также появляются факультативно. Зимой их носили мало, потому в гаданиях, связанных с определением направления, откуда следует ждать сватов, чаще использовалась другая обувь: валенки, пимы. *«Пим снимали и за ворота кидали»* (Патрикеева П. М. 1910, Тирлян); *«В святки мы гадали: валенки кидали, овечков ловили: черный или белый жених будет»* (Благова А. А. 1915, Тирлян). Сравни: *«Гадали на святках. Через ворота бастрик и лапти кидали»* (Горбатова Е. Ф. 1912, В. Авзян). В обереге от лешего: *«Когда заблудишься в лесу — переобуй лапти задом наперед, ляг вниз лицом и лежи какое-то время, встанешь и дорогу найдешь. Переобувание “косой ногой” зовется»* (Быкова П. К. 1912, Кага), — лапти случайны, так как Пелагея Кузьмовна могла отправиться в лес и в другой обуви.

Особые ритуальные смыслы сложились вокруг новых лаптей. В статье этнолингвистического словаря отмечено: «При снаряжении умерших у восточных славян лапти предпочитались другим видам обуви, что связано, помимо приверженности к архаике, с приписываемой плетеным изделиям способностью противостоять нечистой силе: лапти должны были защитить покойника и воспрепятствовать его превращению в вампира» [3, с. 80]. В поселениях горнозаводской традиции до середины XX века предписывалось провозить умерших на «тот свет» в заранее заготовленных новых лаптях.

«Покойника хоронили в лаптях и тканых портах. Говорят, что так положено. У меня свекр был, он умер давно, так он себе заранее лапти плел и жене своей» (Белоглазова М. В. 1921, Тирлян);

«Старые люди хотели, чтобы их в лаптях похоронили. Бабушка моя берегла лапти, ей сын их сплел, так и похоронили в них» (Телятникова Н. Е. 1912, Авзян);

«Раньше всех в лаптях хоронили. Старушка приготавливает себе лапти, носки. <...> Вот одного деда хоронили здесь, а внук настоял, чтобы надеть на него

не лапти, а комнатные тапочки и носки. Вот этот дед всей деревне видится и жалуется: «Пусть прилёт мне носки тёплые, у меня ноги замерзают». Она подавала-подавала носки всем, а ей видится всё: «Тебе жалко» (Тимакова А. К., 1916, Николаевка).

Отмеченная Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой функция лаптей, противостоять нечистой силе, прочитывается в традиции посещать («караулить») умершего вечером в день похорон. Более полный материал этой темы, записанный в Тирляне и Николаевке, опубликован в сборнике «Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале» (2008). В качестве иллюстрации, процитируем два фрагмента из опубликованного: «Вечером, после того как покушают, уже собираются на кладбище. Едут и стреляют там из ружья. Свечи зажигают и ходят, значит, вокруг могилы. Стучат по кресту или по памятнику, говорят: “Не бойся, дескать, мы ходим тут тебя караулить”» (Пудинова Р. И. 1944, Тирлян); «... некоторые мужики даже с ружьями приезжают, отпугивают бесьев от него, а может, и от себя. Покойнику говорят: “Не бойся, мол, мы с тобой! Приехали”» (Оглоблина Т. В. 1930, Тирлян) [12, с. 34].

С просьбой похоронить в лаптях обращались, как правило, родители информантов, год рождения которых уходит в век XIX: «Хоронили людей в лаптях. Только стариков хоронили, при мне не было» (Локацкова О. И. 1921, Тирлян). Правило распространялось на детей, хотя соблюдалось нестрого: «Да, не только стариков в лаптях хоронили. Маленьким-то это тоже было обязательно: носки, портки портяные, рубашка, лапти, сапожки ли» (Тимакова А. К., 1916, Николаевка).

Одно из объяснений сложившейся традиции предложила Н. В. Веретнева: «Раньше, наверное, мода была хоронить в лаптях» (Веретнева Н. В. 1930, Николаевка). Свое мнение по этому поводу высказали В. В. Феклина (1928 г. р.), М. И. Скрипков (1921 г. р.), Н. И. Будueva (1927 г. р.). Они сослались на некоторые «правила», обозначенным в Библии, в писании, в «старинных» книгах.

«По божьему писанию надо в гроб класть в лаптях, а щас всё в туфлях кладут» (Феклина В. В., 1928 г. р. Тирлян);

«В такой обуви, чтобы там быть по их писанию... У нас бабушка была, вот материна мать, говорила: “Я умру, меня только в лаптях ложьте. Не давайте никаких тапочек. Это безгрешно, значит. Никакого греха я не согрешила”» (Скрипков М. И., 1921 г. р. Николаевка);

«...тетка к смерти припала лапти, где-то до сих пор висят.

— Вы не стали ее в лаптях хоронить?

— Она далеко жила.

— Наказывала вам в лаптях похоронить?

— Да. У ней была Библия. Она и по покойникам читала, как Сергеевна» (Будueva Н. И. 1927, Узья).

Источником столь длительной сохранности предписания, собирать умершего в дорогу в новых лаптях, могла быть старообрядческая культура. В настоящее время в данных селах о старообрядцах вспоминают как

о ушедших людях. К сожалению, документы, прямо указывающие на факты раскольничества в изучаемых селах, разбросаны по разным архивам и трудно доступны для изучения. Первая работа этой темы опубликована И. А. Лосеевой [10]. Процесс разрушения раскольничьей жизни на Урале Д. Н. Мамин-Сибиряк относит к пятидесятым годам XIX века, что не противоречит экспедиционным записям [11, с. 310].

Поддержать традицию похорон умершего человека в лаптях могло представление о дороге на «тот свет». По рассказам, Сионская гора, куда душа должна подняться после смерти и где находится рай, отличается особой высотой, крутизной. Лапти, благодаря своим практическим качествам, оказываются в этой связи удобной обувью: «А на Сионскую гору-то трудно лезть в туфлях. Гора-то эта крутая, камни там. А забраться надо на верх горы. Там рай, наверное» (Феклина В. В., Тирлян); «Все говорят, на Сионскую гору идти легче, они же не скользкие, из лыка» (Локацкова О. И. 1921, Тирлян). Любопытно, что одновременно существовал запрет на стрижку ногтей у старых людей: «Моя родная бабушка по маме, Желнина Любовь Ивановна рассказывала мне, что раньше больным людям и тем, кто умирал, ногти не стригли. Считалось, что это жизнь человеку укорачивает» (Лосеева И. В. 1981, Кага). Считалось, что ногти тоже помогали человеку забираться на гору. «Раньше говорили: «Вон у тебя когти-то большие, ты на Сионскую гору, как кошка, вскощишь». <...> Раньше всё просили в лаптях хоронить — в них на гору легче лезти» (Беляева О. И. 1913, Нижний Авзян). Если ногти все-таки подстригали, их не выбрасывали, а складывали и наказывали родственникам положить в гроб, о чем следующая история: «Мы ей ногти состригаем, а она их обязательно соберет. Соберет эти ногти все. Потом, после смерти бабушки начали говорить, что ногти-то надо срезать и надо собирать, да их с собой в гроб, чтоб положили потом. А там по горам-то лазить, цепляться надо. Говорят, что там проходишь и через огонь, и через воду. И вот надо куда-то карабкаться» (Беляева Н. М. 1954, Ломовка). Е. Е. Левкиевская связывает традицию «собирать остриженные ногти в специальный мешочек» и «класть в гроб» с культурой старообрядцев [8, с. 427].

Сложившаяся в статье история бытования лыковой обуви в русских селах горнозаводской территории Южного Урала дополняет этнографические исследования фольклорными материалами, записанными от информантов 1910–1981 годов рождения.

Рассмотрение функционирования лаптей в календарных и семейных ритуалах уточняет смысл появления предмета, уровень его семантической связи с общим действием. В культурном языке обрядовых традиций территории продолжают сохраняться представления о старой и новой обуви. Старые лапти — осметки, удерживают архаическую тему культа предков, покровителей семейного благополучия и достатка, что наиболее ярко прочитывается в ритуале перехода в новый дом. Менее значима функция лаптей в календарных праздниках, где они помогают удержать

общее поле смыслов, но легко заменяются близкими по значению предметами.

Представления о дороге на «тот свет» сосредоточены вокруг новых лаптей, изначально предназначенных для «новой» жизни. В похоронно-поминальных традициях своеобразие обрядового поведения горнозаводского населения во многом объясняется влиянием культуры старообрядцев.

Список литературы

1. *Агапкина Т. А.* Мифологические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
2. *Байбурин А. К.* О жизни вещей в народной культуре // Живая старина. 1996. № 3. С. 2–4.
3. *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 79–82.
4. *Гагарин И. А.* Из памяти всей моей жизни... Нижневартовск: НВГУ, 2020. 240 с.
5. *Зеленин Д. К.* Русские народные обряды со старой обувью // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 214–230.
6. История литературы Урала. XIX век: в 2-х кн. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. Т. 1. 664 с.
7. Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: сб. материалов фольклорных экспедиций лаборатории национальной культуры (1993–2003 гг.). Магнитогорск: Тип. ун-та, 2003. 306 с.
8. *Левкиевская Е. Е.* Ногти // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 427–429.
9. *Лосеева И. А.* История, социокультурные процессы и межэтнические отношения русского горнозаводского населения Белорецкого района Башкортостана во второй половине XIX — середине XX в. по данным фольклора: дис. канд. истор. наук. Омск, 2006. С. 53–97.
10. *Лосеева И. А.* Устные рассказы о старообрядческом населении русских сел Белорецкого района Башкирии / Третьи Лазаревские чтения: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Челябинск: ЧГАКИ, 2006. Ч. 1. С. 83–89.
11. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Город Екатеринбург. Исторический очерк // Седой Урал. Век XVIII. М.: Мол. Гвардия, 1983. С. 267–333.
12. *Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале.* Магнитогорск: Тип. ун-та, 2008. 223 с.
13. *Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии.* Магнитогорск: ПМП «Минитип», 2000. 140 с.
14. *Толстой.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
15. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

T. I. Rozhkova

Magnitogorsk G. I. Nosov State Technical University
455000 Russia, Magnitogorsk, Lenin ave., 26

RITUAL TRADITION AND ORAL STORIES OF THE SOUTHERN URAL AS AN ETHNOGRAPHIC SOURCE (ETHNO-REALITY «LAPTI»)

In the article, on the material of oral stories, the ethno-reality «bast shoes» is presented in its connection with the everyday and ritual culture of the population of the mining area of the Southern Ural. The author comes to the conclusion that until the middle of the 20th century, interest in bast shoes was supported by the availability of wood material, its practical properties, and the possibility of home-made shoes. In ritual culture, the functioning of bast shoes continues to perform a symbolic function associated with the basic archaic opposition «old-new», «friend-foe», «clean-unclean»; and the preservation of common Slavic traditions in the new territories. The article supplements ethnographic studies with new folklore materials, actualizes the significance of local descriptions in studies of traditional culture in different areas.

Keywords: folklore of the Southern Urals, traditional culture, oral story, bast shoes, practical and symbolic function.

References

1. *Agapkina T. A.* *Mifologicheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letnij cikl* [Mythological basis of the Slavonic folk calendar. Spring-summer cycle]. M.: Indrik, 2002. 816 p. (in Rus.).
2. *Bajburin A. K.* *O zhizni veshchej v narodnoj kul'ture* [About the life of things in folk culture]. // *ZHivaya starina*. 1996. № 3. pp. 2–4. (in Rus.).
3. *Vinogradova L. N., Tolstaya S. M.* // *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar' pod red. N. I. Tolstogo*. [Slavonic ancients. Ethnolinguistic dictionary ed. N. I. Tolstaya]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. V. 3. pp. 79–82. (in Rus.).
4. *Gagarin I. A.* *Iz pamyati vsej moej zhizni...* [From the memory of all my life...]. Nizhnevartovsk: NVGU, 2020. 240 p. (in Rus.).
5. *Zelenin D. K.* *Russkie narodnye obryady so staroj obuv'yu // Izbrannye trudy. Stat'i po duhovnoj kul'ture 1901–1913*. [Russian folk ceremonies with old shoes // Selected works. Articles on spiritual culture 1901–1913]. M.: Indrik, 1994. pp. 214–230. (in Rus.).
6. *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2-h kn.* [The history of the Ural literature. XIX century: in 2 books]. M.: Izdatel'skij Dom YASK, 2021. V. 1. 664 p. (in Rus.).
7. *Kalendarno-obryadovyy fol'klor YUzhnogo Urala. Sb. materialov fol'klornykh ekspeditsij laboratorii narodnoj kul'tury (1993–2003 gg.)*. [Calendar and traditional folklore of the South Ural. Selected materials written in the folk expeditions of the Laboratory of folk culture (1993–2003 years)]. Magnitogorsk: Tip. un-ta, 2003. 306 p. (in Rus.).
8. *Levkievskaya E. E.* *Nogti // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar' pod red. N. I. Tolstogo*. [Nails // Slavonic ancients. Ethnolinguistic dictionary edited by N. I. Tolstoy]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. V. 3. pp. 427–429. (in Rus.).

9. Loseeva I. A. *Istoriya, sociokul'turnye processy i mezhetnicheskie otnosheniya russkogo gornozavodskogo naseleniya Beloreckogo rajona Bashkortostana vo vtoroj polovine XIX — seredine HXH v. po dannym fol'klora* [History, cultural and social process and interethnic conflicts in Russian metallurgical people between the second part of the XIX and the middle of the XX century basis on the folklore]: dis. kand. istor. nauk. Omsk, 2006. pp. 53–97. (in Rus.).
 10. Loseeva I. A. *Ustnye rasskazy o staroobryadcheskom nasele-nii russkikh sel Beloreckogo rajona Bashkirii* [Folk stories on old belief people in Russian villages of the Beloret district in Baskartostan]. // *Tret'i Lazarevskie chteniya: Materialy Vse-ros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. [Third Lasarevsk readings: Materials of the Russian conference with some international participation]. CHelyabinsk: CHGAKI, 2006. CH. 1. pp. 83–89. (in Rus.).
 11. Mamin-Sibiriyak D. N. *Gorod Ekaterinburg. Istoricheskij ocherk // Sedoj Ural. Vek HUSH*. [Ekaterinburg city. Historical material // Sedoy Ural. XVIII century]. M.: Mol. Gvardiya, 1983. pp. 267–333. (in Rus.).
 12. *Pohoronno-pominal'nye tradicii na YUzhnom Urale*. [Funeral and memory traditions in the South Ural]. Magnitogorsk: Tip. un-ta, 2008. 223 p. (in Rus.).
 13. *Russkie svadebnye pesni gornozavodskih sel Bashkirii*. [Russian wedding songs in the metallurgical villages of Baskiria]. Magnitogorsk: PMP «Minitip», 2000. 140 p. (in Rus.).
 14. Tolstoj. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike*. [The language and the folk culture. Some works on Slavonic mythology and ethnolinguistics]. M.: Indrik, 1995. 512 p. (in Rus.).
 15. Frejdenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra*. [Poetic style in plot and genre]. M.: Labirint, 1997. 448 p. (in Rus.).
- Список информантов**
- В списке указаны ФИО, год, место рождения, образование, шифр хранения материала.
- Шифр хранения содержит указание на характер записи (ЭК — экспедиция; ЗС — записи сотрудников), порядковый номер экспедиции (ЭК №5), время записи, номер папки хранения (при наличии).
- Авакумова Екатерина Петровна 1926 г. р., урожд. с. Кага. ЭК №23, 2001.
- Белоглазова Матрена Васильевна 1921 г. р., урожд. с. Самодуровка Катав-Ивановского р-на, проживает в Тирляне с 1930 г. ЭК №21; 2000. П. 2.
- Беляева Ольга Ивановна 1913 г. р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК №10, 1997. П. 1, 2; ЭК №14, 1999. П. 3.
- Белякова Наталья Максимовна 1954 г. р., урожд. с. Ломовка. ЗС-2022.
- Березина М. М. 1945 г. р., урожд. с. Кага. ЗС-2022.
- Благова Антонина Андреевна 1915 г. р., урожд. с. Тирлян. ЭК №17, 1999.
- Бочарова Евдокия Дмитриевна 1914 г. р., урожд. с. Узян. ЭК №5, 1994.
- Будуева Надежда Ивановна 1927 г. р., урожд. с. Узян. ЭК №37, 2007.
- Быкова Пелагея Кузьмовна 1912 г. р., урожд. с. Кага. ЭК №7а, 1996.
- Веретнева Нина Васильевна 1930 г. р., урожд. д. Николаевка. ЭК №21, 21 а, 2000.
- Горбатова Илена Фалеевна 1912 г. р., урожд. п. В. Авзян. ЭК №10, 1997.
- Желнина Любовь Ивановна, 1938 г. р., урожд. с. Кага. ЭК №23, 2001.
- Копытов Леонид Платонович 1920 г. р., урожд. п. В. Авзян. ЭК №10, 1997.
- Кривенцова Нина Михайловна 1934 г. р., урожд. д. Николаевка. ЗС-2007.
- Куликова Пелагея Александровна 1939 г. р., урожд. с. Кага. ЗС-2022.
- Лаврухина Валентина Павловна, 1933 г. р., урожд. с. Кага. ЗС-2021.
- Латохина Валентина Сергеевна 1930 г. р., урожд. с. Узян. ЭК №37, 2007.
- Лисовская Арина Константиновна 1924 г. р., урожд. с. урожд. с. Кага. ЗС-2000.
- Лисовская Е. В. 1935 г. р., урожд. с. В. Авзян. ЭК №13, 1998.
- Лисовская Мария Павловна 1948 г. р., урожд. с. Кага. ЗС-2022.
- Лисовская Марфа Андреевна 1907 г. р., урожд. с. Кага. ЭК-7а, 1996. П. 5; ЭК — 13-а. 1998.
- Логинова Анна Васильевна 1927 г. р., урожд. с. Кага. ЭК №23, 2001.
- Локацкова Ольга Ивановна, 1921 г. р., урожд. п. Тирлян, обр. 7 кл. ЭК №21, 21а, 2000. П. 2.
- Лосеева Ирина Александровна 1981 г. р., урожд. с. Кага. ЗС-2022.
- Осокина Александра Павловна 1924 г. р., урожд. с. Узян. ЭК №23, 2001.
- Патрикеева Пелагея Максимовна 1910 г. р., п. Тирлян. ЭК №17. 1999.
- Пудинова Раиса Ивановна 1944 г. р., урожд. п. Тирлян. ЭК №21, 2000. П. 2.
- Сафронова Мария Семеновна 1935 г. р., урожд. с. Кага. ЭК №13а, 1998.
- Севостьянова Нина Гавриловна 1917 г. р., урожд. п. Тирлян. ЭК №21, 21а, 2000. П. 2.
- Серпкова Анастасия Петровна 1952 г. р., урожд. с. Узян. ЭК №37, 2007.
- Скрипков Михаил Иванович 1921 г. р., урожд. д. Николаевка. ЭК №21а, 2000. П. 2.
- Сухов Николай Петрович 1929 г. р., урожд. с. Кага. ЭК №23, 2001.
- Телятникова Нина Евдокимовна 1912 г. р., урожд. с. Н. Авзян. ЭК №14, 1999.
- Тимакова Александра Корниловна 1916 г. р., урожд. д. Николаевка. ЭК №21, 2000. П. 2.
- Урцева Валентина Ивановна 1930 г. р., урожд. с. Тирлян. ЭК №21, 21-а, 2000.
- Феклина Валентина Васильевна 1928 г. р., урожд. п. Тирлян. ЭК №17а, 1999. П. 1.
- Храмцова Антонина Ивановна 1925 г. р., урожд. с. Авзян. ЭК №23б. 2001.
- Юрочкина Анна Андреевна 1935 г. р., урожд. с. В. Авзян. ЭК №10, 1997.